

Рецензия на работу: Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.

М.А. Романенко

Аннотация. Работа профессора Европейского университета во Флоренции Александра Эткинда «Кривое горе: Память о непогребенных» представляет собой опыт осмысления посткатастрофической ситуации, которая сложилась в советской и постсоветской культуре. В фокусе внимания автора – горе по жертвам репрессий, продуктивная работа которого призвана преодолеть травматический опыт. Но культурные механизмы памяти и горя работают в советской и постсоветской культуре ненадлежащим образом, вынуждая вновь и вновь повторять в воображении травматический опыт прошлого и воплощать его в культурных формах. Так, пространство культуры заселяют призраки, духи, монстры и другие симулякры, напоминающие своим существованием о жертвах одной из масштабных катастроф XX в. В предлагаемой рецензии анализируются основные теоретические подходы исследования. Сочетание теории горя З. Фрейда, идеи В. Беньямина о второй жизни религиозных символов в массовой культуре и русского формализма позволила автору разработать собственную концепцию анализа посткатастрофической культуры, изменив тем самым уже устоявшееся представление о *trauma studies*.

Ключевые слова: горе, культурная память, посткатастрофическая культура, советские репрессии, травма.

*Review on: Etkind A. Warped Mourning.
Stories of the Undead in the Land of Unburied.
Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 328 p.*

M.A. Romanenko

Abstract. The book of Alexander Etkind, Professor at the European University in Florence, “Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied” is an experience of the understanding post-catastrophic situation that prevailed in the Soviet and post-Soviet culture. The author focuses on mourning for the victims of repression that aims to productive work for overcoming the traumatic experience. But the cultural mechanisms of memory and mourning work in Soviet and post-Soviet culture improperly, forcing to repeat in imagination the traumatic experience of the past and translate it into cultural forms. Thus, the cultural space is populated with ghosts, spirits, monsters and other simulacra, whose existence remember us about one of the large-scale disasters of the XX century. In the review, the main theoretical approaches of the research are analyzed. The combination of mourning theory of Freud, the ideas of W. Benjamin about the second life of religious symbols in mass culture and Russian formalism allowed the author to develop his own concept of analysis post-catastrophic culture, thereby changing the already established idea of *trauma studies*.

Keywords: mourning, cultural memory, post-catastrophic culture, Soviet repressions, trauma.

В центре нашего внимания недавно вышедшая на русском языке работа Александра Эткинда «Кривое горе: Память о непогребенных». Эта книга – актуальное, интересное и детальное исследование советской и постсоветской культуры, сфокусированное на механизмах культурной памяти и работе горя. Несмотря на свою популярность и общественный резонанс, тема памяти о советских репрессиях все еще остается маргинальной. В российской общественной мысли до сих пор не выработалось более-менее однозначного взгляда на проблему советских репрессий, а отечественная гуманитаристика не произвела еще фундаментального исследования посттравматической ситуации, сложившейся в советской и постсоветской культуре.

Впервые книга была опубликована на английском языке в 2013 году под названием *“Warped Mouring. Stories of the Undead in the Land of Unburied”*. Термин *“mouring”* (горе, скорбь) использован автором как отсылка к работе Зигмунда Фрейда «Горе и меланхолия». Стоит отметить, что книга Эткинда полна фрейдовской терминологии – советская и постсоветская культура в различных проявлениях как раз исследуются с позиции работы горя. В предлагаемой рецензии мы позволим себе сосредоточиться в большей степени на теоретических сторонах исследования, которое трансформирует уже устоявшуюся область *trauma studies*.

Вводя читателя в проблематику своей книги, Эткинд начинает с общеизвестного, с одной стороны, и в то же самое время призрачного образа – изображения Соловецкого монастыря на 500-рублевой купюре. На банкнотах, выпущенных до 2011 года, монастырь изображался без куполов – их заменяли деревянные пирамидальные башни. В таком виде это место известно как один из лагерей системы Главного управления лагерей и мест заключения (ГУЛАГ). Тот факт, что на банкноте изображено место, ставшее главным символом советских репрессий, наводит на определенные размышления. Но Эткинд не видит в этом факте «заговора» или «бессознательных мотиваций», а отводит символу роль привидения – напоминать о «скрытой тайне прошлого». Ведь подобные символы-призраки наполняют советскую и постсоветскую культуру, определяя искривленный характер горя.

Эткинд в своем исследовании останавливается на понятии горя, оставив несколько в стороне понятие травмы, тем самым задавая новое направление в изучении посткатастрофических состояний. Опираясь на фрейдовское понимание горя, автор отмечает, что оно «является ответом на состояние Другого» [Эткинд, 2016, с. 27], а травма, в свою очередь, – это ответ субъекта на собственное состояние. Так, Эткинд приводит четкую и последовательную схему: смерть – травма – горе. «Мертвые травмы не знают, ее переживают выжившие. Исторические процессы катастрофического масштаба наносят травму первому поколению потомков. Их сыновья и дочери – внуки жертв, преступников и свидетелей – испытывают уже не травму, а горе по своим дедам и бабкам» [Эткинд, 2016, с. 13]. Эткинд отмечает, что горе функционирует в сфере культуры, передаваясь таким образом через поколения, а существующая идея о не-культурных механизмах передачи травмы кажется автору «сложной и труднопроверяемой».

Горе, познание и месть являются теми культурными и психологическими процессами, в единстве которых и заключается преодоление посткатастрофических состояний. Именно горю свойственно желание узнать, что же произошло на самом деле, которого нет у непосредственно перенесших травму. Автор приводит в качестве примера кошмарный сон Надежды Мандельштам, в котором она бежит за своим мужем, чтобы «спросить, что “там” с ним делают» [Эткинд, 2016, с. 25]. В попытке узнать то, что же происходит “там”, заложено стремление не только разделить тяжкое бремя, но и рассказать об этом другим. Эмоциональные порывы скорби сочетаются с желанием восстановления справедливости и отмщения виновным. Как отмечает автор, пафосом мести пронизаны режиссерские работы Григория Козинцева. Фильм «Гамлет», по мнению Эткинда, стал «утопией горя и воздаяния», о которых современники Козинцева могли только мечтать [Эткинд, 2016, с. 183–189].

Указанные процессы преодоления посткатастрофических состояний не всегда могут работать должным образом. Их работа может быть затруднена определенными факторами, среди которых, например, политические ограничения или же сама сущность террора – в случае советских репрессий, их самоубийственная природа.

Полноценная работа горя, заключающаяся в проработке травматического опыта, зависит от способа репрезентации этого опыта. Тут Эткинд вновь опирается на идеи Фрейда. И субъект, пребывающий в состоянии травмы, и субъект, переживающий горе, вынуждены обращаться к прошлому, а это обращение возможно двумя способами – навязчивым повторением и воспоминанием. Заимствованный из фрейдовской теории термин навязчивого повторения отражает не просто болезненный процесс повторения травматического опыта, а скорее релевантность прошлого по отношению к настоящему, перенося элементы травматического опыта в актуальную для субъекта ситуацию. Воспоминание же призвано не воспроизводить травматический опыт, а вспоминать его, не смешивая прошлое и настоящее.

Метафора «кривого горя», вынесенная Эткиндром в заглавие книги, демонстрирует диалектику взаимодействия повторения и воспоминания, т. к. в культуре границы этих механизмов проработки прошлого оказываются размыты. Так, создаются «искривленные образы, в которых сознательное исследование прошлого сочетается с его воспроизводством в превращенных формах» [Эткинд, 2016, с. 30]. Результатом соединения воспоминания с патологическим процессом навязчивого повторения являются образы демонов, призраков, духов, населяющие произведения литературы и искусства. Далее для исследования искривленных, или «странных», форм функционирования посткатастрофической памяти Эткинд обращается к фрейдовской концепции «жуткого» и методу «готического реализма» Михаила Бахтина.

Еще одним важным положением в теории Эткинда является тезис о том, что посткатастрофическую память (в ее постсоветском варианте) можно продуктивно исследовать «на перекрестке трех эпистемологий» – фрейдовской концепции

горя, идеи Вальтера Беньямина о второй жизни религиозных символов в продуктах массовой культуры и теории «остранения» русских формалистов. Именно благодаря идеям Беньямина становится возможным анализ «горестных» образов в произведениях художественной культуры. В дополнении к теории горя Фрейда немецкий философ предложил концепцию аллегории как поэтического воспроизводства катастрофического прошлого. Эткинд в третьей главе демонстрирует работу аллегории советского террора на примере историй неузнавания вернувшихся из лагерей. Эти истории аллегорически воплотили в себе «масштаб и степень трансформации человека под воздействием государства» [Эткинд, 2016, с. 85].

Идея «остранения» у Эткинда находит свое отражение в понятии миметического горя, которое «подражает потере, но не воспроизводит ее» [Эткинд, 2016, с. 37]. Именно производство различий способно уберечь скорбящего от рисков травматического прошлого. В качестве примера автор рассуждает о музеях, созданных на месте бывших лагерей. Их обязательным атрибутом являются монументы, памятники или обелиски, которые и выполняют роль маркера различия, напоминая о разделении прошлого и настоящего.

Рассмотрим еще несколько теоретических аспектов исследования А. Эткинда. Отталкиваясь от концепции «голой жизни» Джорджо Агамбена и несколько трансформированной теории «тварной жизни» Эрика Сантнера, автор разрабатывает собственный концепт «мучимой жизни» как характеристику отношений суверена (власти) и человека (заключенного), направленных не на смерть последнего, а на силовое воздействие с целью конструирования новой субъективности. Именно такой характер взаимодействия власти и человека, по мнению Эткинда, свойствен советским репрессиям.

Стоит также остановиться на вопросе о субъекте горя и посткатастрофической памяти. Помимо индивида как субъекта горя и памяти автор в качестве такового видит и коллектив, представители которого через культурную коммуникацию способны обмениваться опытом и чувствами. Но Эткинд отказывает народу в роли носителя горя. По его мнению, работу горя легче проследить в малых группах или культурных сообществах, где каналы коммуникации наиболее ясны и четко определены. В случае же больших сообществ с тысячами и миллионами людей «эти каналы коммуникации гораздо более рыхлые и неопределенные. Но они существуют» [Призраки горя... 2016]. Тем не менее тезис о том, что народ не может переживать горе, остается не аргументированным.

Можно предположить, что это связано с тем, что «поворот от “коллективной памяти” к “культурной памяти” переносит акценты со вспоминающего коллектива на культурные жанры и искусственно созданные конструкции, из которых состоит память» [Эткинд, 2016, с. 63]. Концентрация исследовательского внимания исключительно на культурных формах переживания горя связана еще и с тем, что автор позиционирует свой труд как упражнение в культурных исследованиях.

Продолжая анализировать теоретические аспекты исследования, обратимся к авторскому пониманию форм культурной памяти. В девятой главе Эткинд несколько полемизирует с Пьером Нора по поводу единиц существования памяти. Согласно Нора, культурная память структурирована в виде пространственно организованных мест, при этом временная динамика касается трансформации тех или иных «мест памяти» [Нора, 1999]. Эткинд же предлагает термин «события памяти» и определяет их как «акты обращения к прошлому, изменяющее их устоявшиеся культурные значения» [Эткинд, 2016, с. 228]. Говоря о формах культурной памяти, Эткинд развивает идею Яна Ассмана о «горячей» и «холодной» опции памяти, трансформируя ее в концепцию «твердых» (памятники, мемориалы и т. д.) и «мягких» (идеи, образы, исторические нарративы и т. д.) форм культурной памяти. Взаимная работа этих форм направлена на здоровое функционирование культуры. Относительно же российского опыта автор говорит, что существует третья форма памяти – «призрачная», заключающая в себе духов, призраков, вампиров и прочих мистических существ, несущих память о мертвых, которых неправильно погребли.

Симулякры, подобные духам и призракам, населяют художественные тексты позднесоветского и постсоветского периодов, которые Эткинд анализирует в двух последних главах. По мнению автора, ненадлежащая работа горя поддерживает жизнь этих образов в современной российской культуре, как бы навязчиво возвращая призраков советского террора. Однако этот тезис выглядит не до конца убедительным. На наш взгляд, не стоило бы исключительно всем мистическим образам сегодняшней российской массовой культуры приписывать связь с «непогребенными» в советский период¹.

В заключении Эткинд говорит о том, что память о советском терроре в российской культуре представляет собой огромную формацию, в которой находятся различные, порой противоположные, версии истории и ритуалы горя. Несмотря на периоды взрывного роста работы горя она не возможна в должном виде, пока российское общество не придет к консенсусу в отношении к травматическому прошлому, а культурное пространство продолжат населять живые мертвецы.

Таким образом, «Кривое горе» предложило новый взгляд на посткатастрофическую ситуацию в российской культуре. Обозначенные Эткиндром механизмы работы горя и культурной памяти могут лечь в основу новой методологии по исследованию посттравматических состояний, а проанализированные культурные формы позволят продолжить непростой разговор о советском прошлом.

¹ Стоит отметить, что в своем интервью журналу «Археология русской смерти» А. Эткинд говорит, что такая связь возможна. В целом эти образы – «одно из многих проявлений культурной меланхолии, погруженности в прошлое и пренебрежения настоящим» [Простаков, 2016, с. 145].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Нора П. Проблематика мест памяти // *Франция-память* / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 17–50.

Призраки горя: Россия скорбящая. Горе не горькое: постсталинское государство в поисках утраченного времени. Беседа с Александром Эткингом // *Гефтер*. 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/18622> (дата обращения: 30.09.2016).

Простаков С. Интервью Александра Эткинда // *Археология русской смерти*. 2016. № 2. С. 136–145.

Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.

REFERENCES

Nora P. Problematika mest pam'yati [Problems of the Sites of Memory], in: *Francyja-Pamyat'* [France-Memory]. Saint Petersburg, 1999. P. 17–50 (in Russian).

Prizraki gorya. Rossija skorbyashaya. Gore nie gor'koye: post-stalinskoye gosudarstvo v poiskah utrachennoho vremeni. Beseda s Alexandrom Etkindom [The ghosts of mourning: Russia is grieving. Mourning is not bitter: the post-Stalin government in search of lost time. Interview with Alexander Etkind], in: *Gefter* [Gefter]. 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/18622> (available at: 30.09.2016) (in Russian).

Prostakov S. Interviu Alexadra Etkinda [Interview with Alexander Etkind], in: *Archeologiya russkoy smerti* [Archeology of Russia Death]. 2016. Vol. 2. P. 136–145 (in Russian).

Etkind A. Krivoye gore: Pamyat' o nepogrebennyh [Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 328 p. (in Russian).